

Габриэль-Сюзанна
де Вильнёв

Красавица
и Чудовище

Сказка

1740

18+

Габриэль-Сюзанна де Вильнёв

Красавица и Чудовище

«Автор»

2026

де Вильнёв Г.

Красавица и Чудовище / Г. де Вильнёв — «Автор», 2026

«Красавица и Чудовище» Габриэль-Сюзанны Барбо де Вильнёв, впервые опубликованная в 1740 году, — большая волшебная история о верности, благодарности и обманчивой внешности. Роза приводит дочь купца в зачарованный дворец, а за тайной его хозяина постепенно открываются судьбы королевских семей и законы царства фей. Полный перевод с французского по изданию «Кабинета фей» 1786 года сохраняет вставные истории и развязку. Издание для взрослого читателя дополнено новыми иллюстрациями и редакционными примечаниями. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© де Вильнёв Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
История Красавицы и Чудовища	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Габриэль-Сюзанна де Вильнёв

Красавица и Чудовище

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами старинная французская сказка в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

Габриэль-Сюзанна Барбо де Вильнёв впервые опубликовала «Красавицу и Чудовище» в 1740 году в книге «Юная американка и морские сказки». Этот исторический год вынесен на обложку. Для настоящего перевода взят французский текст из двадцать шестого тома «Кабинета фей», изданного в Женеве и Париже в 1786 году.

Здесь знакомая история о розе и зачарованном дворце раскрывается во всей своей притяжённости. Вильнёв подробно рассказывает о купеческой семье, удивительных занятиях Красавицы, судьбе принца и тайнах царства фей. Поступки героев объясняются постепенно: за каждым чудом обнаруживаются чужая воля, давнее обещание или решение, принятое много лет назад.

Перевод выполнен непосредственно с французского и сохраняет всё повествование выбранного издания, включая «Историю Чудовища», рассказ о происхождении Красавицы и окончательную развязку. Исторические суждения о долге, знатности и семейной власти переданы как часть авторского текста. Необычные выражения и отдельные несогласованности источника поясняются в редакционных примечаниях.

Иллюстрации созданы специально для этого русского издания. Их тёплая бумажная фактура и подробный рисунок обращаются к традиции старинной книжной гравюры. Облик Чудовища опирается на описание Вильнёв: у него огромный хобот и покрытое чешуёй тело.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

История Красавицы и Чудовища

В стране, весьма далёкой от нашей, есть большой город, где процветающая торговля поддерживает всеобщее изобилие. Среди его жителей некогда был купец, удачливый во всех своих предприятиях: судьба неизменно осыпала его щедрейшими дарами, словно угадывая каждое желание. Но если богатства у него были огромные, то и детей было немало. Семья его состояла из шестерых сыновей и шестерых дочерей. Никто из них ещё не вступил в брак. Сыновья были достаточно молоды, чтобы с этим не спешить; дочери же так гордились большим состоянием, на которое могли рассчитывать, что никак не решались сделать выбор.

Их тщеславию льстили ухаживания самых блестящих молодых людей. Но неожиданный поворот судьбы нарушил сладость их жизни. В доме случился пожар. Великолепная обстановка, счётные книги, долговые обязательства, золото, серебро и все драгоценные товары, составлявшие достояние купца, погибли в огне. Пожар был так силен, что спасти удалось самую малость.

Эта первая беда оказалась лишь предвестницей остальных. Отец семейства, которому прежде во всём сопутствовал успех, в то же время потерял все свои корабли: одни разбились в море, другие достались корсарам. Его торговые партнёры объявили себя несостоятельными; приказчики в чужих странах оказались нечестны. Словом, из величайшего достатка он внезапно впал в страшную нищету.

У него остался только маленький загородный дом в глухом месте, более чем в ста лье от города, где он обыкновенно жил. Пришлось искать убежища вдали от шума и суеты. Туда он и увёз свою семью, доведённую до отчаяния столь великой переменой.

Особенно дочери несчастного отца с ужасом думали о жизни, которая ожидала их в этом печальном уединении. Некоторое время они тешили себя надеждой: как только намерение отца станет известно, прежние поклонники сочтут за счастье, если девушки наконец смягчатся к ним.

Им представлялось, будто все станут наперебой добиваться чести быть предпочтенными остальным. Они даже полагали, что достаточно захотеть — и мужья найдутся. Однако приятное заблуждение продержалось недолго. Вместе с блестящим состоянием отца, исчезнувшим словно вспышка молнии, они потеряли самое сильное своё очарование: время, когда они могли выбирать, миновало. Толпа усердных обожателей рассеялась в тот самый миг, когда пришло несчастье. Красота девушек не сумела удержать ни одного.

Друзья оказались не великодушнее поклонников. Стоило семье впасть в нужду, как все без исключения перестали с нею знаться. Жестокость доходила даже до того, что пострадавших обвиняли в постигшем их разорении. Те, кому отец больше всех помогал, усерднее всех его злословили. Они распространяли слухи, будто он сам навлёк на себя бедствия дурным поведением, расточительством и безумными тратами — собственными и теми, которые позволял своим детям.

Так разорённой семье не осталось иного выхода, кроме как покинуть город, где каждый находил удовольствие в том, чтобы оскорблять её в несчастье. Лишённые всякой помощи, они удалились в загородный дом посреди почти непроходимого леса. Пожалуй, на всей земле нельзя было найти более унылого жилища. Сколько огорчений пришлось им вынести в этой страшной глуши! Нужно было приняться за самую тяжёлую работу. Держать прислугу они не могли, и сыновья несчастного купца разделили между собой хозяйственные заботы и труды. Все наперебой делали то, чего требует земля от людей, желающих ею прокормиться.

Дочерям тоже хватало занятий. Подобно крестьянкам, они были вынуждены своими нежными руками исполнять всю деревенскую работу. Теперь они носили лишь шерстяные платья; им нечем было удовлетворять тщеславие и приходилось жить тем, что давала деревня.

Ограниченные самым необходимым, но сохранившие любовь к утонченности и изысканности, девушки без конца жалели о городе и его прелестях. Даже воспоминание о прежних годах, быстро промелькнувших среди смеха и забав, сделалось для них жесточайшей мукой.

Однако младшая из сестёр проявила в общей беде больше стойкости и решимости. С твёрдостью, необыкновенной для её лет, она мужественно приняла свою участь. Не то чтобы поначалу она не предавалась искренней печали: да и кто остался бы бесчувственным к подобным несчастьям? Но, оплакав бедствия отца, разве могла она поступить лучше, чем вернуть себе прежнюю весёлость, добровольно принять то единственное положение, в котором оказалась, и забыть общество, чью неблагодарность испытала вместе со всей семьёй? Теперь она твёрдо знала, что на его дружбу в несчастье рассчитывать нельзя.

Стараясь утешить отца и братьев мягкостью нрава и живостью ума, чего только она не придумывала, чтобы приятно их развлечь! Купец ничего не жалел на образование дочерей. В эти тяжёлые времена младшая сумела извлечь из полученных знаний именно ту пользу, какой желала. Она прекрасно играла на нескольких инструментах и пела под собственный аккомпанемент, словно приглашая сестёр последовать её примеру. Но её весёлость и терпение только сильнее их огорчали.

Безутешные после столь великих несчастий, сёстры видели в поведении младшей ограниченность ума, низость души и даже слабость: как можно жить весело в положении, до которого их довело небо?

— Счастливая! — говорила старшая. — Она и создана для грубой работы. С такими низменными чувствами что бы она делала в свете?

Подобные речи были несправедливы. Эта девушка гораздо больше любой из них могла бы блистать в обществе.

Совершенная красота украшала её юность, ровный нрав делал её обожаемой. Во всём сказывалось её сердце, столь же великодушное, сколь сострадательное. Перемены, обрушившиеся на семью, она переживала не менее остро, чем сёстры, но благодаря силе духа, нечастой у женщин, сумела скрыть свою боль и подняться над несчастьем. Такую стойкость приняли за бесчувствие. Но приговор, вынесенный завистью, нетрудно оспорить.

Люди проницательные знали её истинную цену и спешили отдать ей предпочтение. В пору наивысшего семейного благополучия достоинства выделяли её среди других, а красота принесла ей имя Красавицы — словно никто иной не мог носить его с таким правом. Все знали её только под этим именем. Нужно ли было что-нибудь ещё, чтобы усилить зависть и ненависть сестёр?

Её прелести и всеобщее уважение, которое она заслужила, давали ей основания надеяться на брак ещё более выгодный, чем могли ожидать сёстры. Но её занимали лишь бедствия отца. Она нисколько не пыталась отсрочить отъезд из города, где жизнь была для неё так приятна; напротив, всеми силами старалась его ускорить. В уединении она сохранила то же душевное спокойствие, что и среди света. Чтобы рассеять печаль, в свободные часы она украшала голову цветами. Подобно пастушкам древних времён, она находила в деревенской жизни забвение всего, что прежде сильнее всего льстило ей среди богатства, и каждый день получала от неё невинные радости.

Прошло уже два года. Семья начинала привыкать к деревенской жизни, когда надежда на возвращение нарушила её покой. Отцу сообщили, что один из кораблей, которые он считал погибшими, благополучно вошёл в гавань с богатым грузом. При этом предупреждали: торговые поверенные могут воспользоваться его отсутствием, продать товар за бесценок и мошеннически присвоить выручку. Он поделился новостью с детьми. Те ни на миг не усомнились, что скоро смогут покинуть место своего изгнания. Дочери, ещё более нетерпеливые, чем братья, считали ненужным ждать достоверных известий: им хотелось тотчас уехать, бросив всё. Но более благоразумный отец попросил умерить восторги. Как ни нужен он был семье, осо-

бенно теперь, когда перерыв в полевых работах грозил немалым ущербом, заботы об урожае он оставил сыновьям, а в столь дальний путь решил отправиться один.

Все дочери, кроме младшей, уже не сомневались в скором возвращении прежнего изобилия. Они воображали, что, даже если состояние отца не позволит перевезти их в большой город, где они родились, денег всё же хватит для жизни в другом, менее богатом городе. Там

они надеялись найти хорошее общество, обзавестись поклонниками и воспользоваться первым же предложением руки. Они почти забыли о трудностях, пережитых за два года, и словно чудом уже перенесли из скудного достатка в приятную роскошь. Поэтому они осмелились завалить отца безрассудными поручениями: уединение вовсе не отбило у них вкуса к роскоши и тщеславию. Ему велели купить драгоценности, наряды, головные уборы. Каждая старалась превзойти другую своими просьбами. Но даже предполагаемого богатства отца не хватило бы, чтобы удовлетворить их все. Красавица, которой не владело честолюбие и которая всегда поступала разумно, сразу поняла: если отец исполнит списки сестёр, ей свой составлять нечем. Однако отец, удивлённый её молчанием, прервал ненасытных дочерей:

— А ты, Красавица, разве ничего не хочешь? Что тебе привезти? Чего ты желаешь? Говори смело.

— Милый папа, — ответила прелестная девушка, нежно обнимая его, — я желаю того, что дороже всех нарядов, о которых просят сёстры. Этим одним ограничиваются мои желания, и я буду счастлива, если они исполнятся: я хочу увидеть вас вернувшимся в добром здравии.

Ответ, в котором так ясно сказалось бескорыстие, заставил остальных покраснеть от стыда. Они до того рассердились, что одна из сестёр язвительно заговорила за всех:

— Эта девочка важничает и думает отличиться своим напускным благородством. Право, ничего смешнее и быть не может!

Отец же, растроганный чувствами младшей, не мог скрыть радости. Но, хотя его и тронуло желание, которым она ограничилась, он захотел, чтобы она всё-таки что-нибудь попросила. Чтобы смягчить раздражение остальных дочерей против неё, он стал объяснять, что такое равнодушие к нарядам не подобает её возрасту: всему своё время.

— Хорошо, милый отец, — сказала она. — Раз вы приказываете, прошу привезти мне розу. Я страстно люблю этот цветок, а с тех пор, как мы поселились в этой глуши, не видела ни одного.

Так она повиновалась, желая вместе с тем избавить отца от расходов на себя.

Настал день, когда доброму старику пришлось вырваться из объятий своей многочисленной семьи. Он поспешил в большой город, куда его вновь призвала надежда на богатство. Но ожидаемой удачи там не нашлось. Корабль действительно прибыл; однако товарищи купца по торговле, считавшие его умершим, уже завладели им, а товары разошлись по рукам. Вместо того чтобы мирно вступить во владение своим имуществом, купцу пришлось, отстаивая права, столкнуться со всевозможными тяжбами и придирами. Он преодолел их, но после более чем полугода хлопот и расходов оказался не богаче прежнего. Должники стали неплатёжеспособны; ему едва возместили издержки. Этим и кончилось воображаемое богатство. В довершение неприятностей, чтобы окончательно не разориться, ему пришлось выехать в самое неудобное время года и в самую ужасную погоду. Всю дорогу его терзало ненастье; он чуть не погиб от изнеможения. Но, очутившись в нескольких лье от дома, почувствовал прилив сил. Он рассчитывал больше не покидать его ради погони за пустыми надеждами, которыми Красавица справедливо пренебрегала.

На то, чтобы пересечь лес, требовалось несколько часов. Было уже поздно, но он решил ехать дальше. Ночь застигла его в пути; лютый холод пронзал насквозь, снег едва не погребал под собой и всадника, и лошадь. Наконец, не зная, куда направиться, купец решил, что настал его последний час. Ни одной хижины не попалось ему на дороге, хотя в лесу их было много. Лучшим убежищем оказалось дерево с выгнившей сердцевинкой; и он был счастлив, что сумел в нём укрыться. Дерево защитило его от холода и спасло жизнь. Лошадь, недалеко от хозяина заметив другую полость, по своему чутью тоже нашла там приют.

В таком положении ночь показалась ему бесконечной. К тому же его мучил голод, а рядом то и дело проходили дикие звери, пугая своим воем. Мог ли он хоть на мгновение успокоиться? С окончанием ночи беды и тревоги не прекратились. Его порадовало лишь появление света;

положение оставалось крайне затруднительным. Землю покрывал необычайно глубокий снег — какую дорогу выбрать? Ни одной тропинки не было видно. Лишь после долгих трудов и многочисленных падений он набрёл на подобие дороги, по которой двигаться стало легче.

Сам не ведая куда идёт, он случайно вышел на аллею прекрасного замка, которую снег словно пощадил. Четыре ряда высочайших померанцевых деревьев, усыпанных цветами и плодами, образовывали эту аллею. Повсюду стояли статуи, без порядка и симметрии: одни на самой дороге, другие между деревьями. Все были из неизвестного материала, человеческого роста и с естественным цветом тела, в разных позах и разных одеяниях; большинство изображало воинов. В первом дворе купец увидел ещё бесчисленное множество статуй. Но холод, от которого он страдал, не позволял их разглядывать.

Перед ним сразу открылась агатовая лестница с перилами из чеканного золота. Он прошёл через несколько великолепно обставленных комнат. Мягкое тепло понемногу возвращало ему силы. Ему хотелось поесть, но к кому обратиться? Казалось, громадное и роскошное здание населено одними статуями. В нём царила глубокая тишина; и всё же оно совсем не походило на старый заброшенный дворец. Залы, комнаты, галереи — всё было открыто, но ни одного живого существа в этом очаровательном месте не показывалось. Устав бродить по покоям огромного дома, купец остановился в гостиной, где пылал большой огонь. Решив, что его развели для кого-то, кто скоро появится, он подошёл к камину погреться. Однако никто не приходил. В ожидании он сел на софу возле огня; сладкий сон сомкнул ему веки, и теперь он уже не мог следить, не застанет ли его кто-нибудь врасплох.

Усталость усыпила его, голод разбудил. Уже больше суток он страдал от голода, а ходьба по дворцу только усилила потребность в пище. Открыв глаза, он с приятным изумлением увидел перед собой изысканно накрытый стол. Лёгкая закуска не могла бы его насытить, а роскошно приготовленные блюда приглашали отведать каждого.

Прежде всего он вслух поблагодарил тех, кому был обязан столькими благами, а затем решил спокойно ждать, пока гостеприимные хозяева пожелают показаться. Как до трапезы его усыпила усталость, так после неё подействовала еда: сон стал ещё продолжительнее и спокойнее. Во второй раз купец проспал по меньшей мере четыре часа. Проснувшись, вместо прежнего стола он увидел порфиновый столик, на котором благодетельная рука расставила пирожные, сушёные фрукты и сладкие вина. Это угощение тоже предназначалось ему. Пользуясь оказываемой добротой, он отведал всего, что могло удовлетворить его аппетит, вкус и любовь к лакомствам.

Однако не находя никого, с кем можно было бы поговорить и узнать, человеку или боже-ству принадлежит дворец, он начал испытывать страх: от природы он был робок. Купец решил ещё раз обойти все покои. Он осыпал благословениями духа, которому был обязан столькими милостями, и почтительно умолял его показаться. Но все просьбы остались тщетны. Не было видно ни слуг, ни свиты, которая дала бы понять, что во дворце кто-то живёт. В глубоком раздумье о том, как поступить, он наконец предположил: какое-то сверхъестественное существо по неведомым ему причинам дарит ему этот дом со всеми его богатствами.

Эта мысль показалась ему внушённой свыше. Не медля, он вновь обошёл дворец, уже считая себя хозяином сокровищ. Мало того: мысленно он определил долю каждому из детей и назначил каждому подходящие покои. Заранее радуясь тому, сколько удовольствия доставит им переезд, он спустился в сад. Несмотря на суровую зиму, здесь, словно в разгар весны,

редчайшие цветы распространяли чудесное благоухание. Воздух был мягок и приятен. Птицы всевозможных пород, смешивая щебет с неясным шумом вод, создавали прелестное созвучие.

Восхищённый столькими чудесами, старик думал: «Полагаю, дочерям нетрудно будет привыкнуть к этому чудесному жилищу. Не верится, что они станут жалеть о городе или предпочтут его этому месту».

— Ну же! — воскликнул он с необычайной радостью. — Надо тотчас ехать. Мне уже отрадно думать, как они будут счастливы; не станем откладывать это счастье!

Когда он вошёл в этот приветливый замок, то, несмотря на пронзавший его холод, позаботился снять с лошади узду и отпустить её к конюшне, которую заметил в первом дворе. Туда вела аллея с решётчатыми оградами и сводами из цветущих розовых кустов. Таких прекрасных роз он никогда не видел. Их аромат напомнил об обещанном Красавице цветке. Он сорвал одну розу и собирался набрать ещё, чтобы составить шесть букетов, но страшный шум заставил его обернуться. Каков был его ужас, когда он увидел возле себя отвратительное чудовище! С яростным видом оно положило ему на шею нечто вроде слоновьего хобота и жутким голосом произнесло:

— Кто позволил тебе срывать мои розы? Мало тебе было столь милостивого приёма в моём дворце? Вместо благодарности, дерзкий, ты крадёшь мои цветы! Твоя наглость не останется без наказания.

Купец, и без того потрясённый неожиданным появлением чудовища, при этих словах едва не умер от страха. Он торопливо бросил роковую розу и пал на землю.

— Ах, ваша светлость! — вскричал он. — Сжальтесь надо мной! Я вовсе не неблагодарен. Тронутый вашей добротой, я не думал, что такая малость способна вас оскорбить.

Чудовище в гневе ответило:

— Замолчи, проклятый красnobай! Мне не нужны ни твоя лесть, ни титулы, которыми ты меня награждаешь. Я не «ваша светлость», я — Чудовище, и ты не избежишь заслуженной смерти.

Удручённый столь жестоким приговором, купец решил, что только покорность может спасти его от гибели. С искренним волнением он объяснил: роза, которую он осмелился сорвать, предназначалась одной из его дочерей, по имени Красавица. Затем, то ли надеясь отсрочить гибель, то ли желая пробудить в своём враге сострадание, он рассказал о несчастьях, которые с ним произошли. Он поведал о причине путешествия и не забыл о скромном подарке, обещанном Красавице. Добавил, что она ограничилась этой малостью, тогда как для исполнения желаний других его дочерей едва хватило бы королевских сокровищ. Теперь же удобный случай пробудил в нём желание порадовать её. Он полагал, что может сделать это без дурных последствий, и просил простить невольную вину.

Чудовище на мгновение задумалось, а затем заговорило уже не столь яростно:

— Я могу простить тебя, но лишь при условии, что ты отдашь мне одну из своих дочерей. Кто-нибудь должен искупить эту вину.

— Праведное небо! Чего вы требуете? — возразил купец. — Как я мог бы сдержать такое обещание? Если бы даже я оказался настолько бесчеловечен, что захотел бы купить свою жизнь ценой жизни одного из детей, под каким предлогом привёл бы я его сюда?

— Никакого предлога не нужно, — прервало его Чудовище. — Я хочу, чтобы та дочь, которую ты приведёшь, пришла добровольно; иначе она мне не нужна. Посмотри, найдётся ли среди них настолько мужественная и настолько любящая тебя, чтобы подвергнуть себя опасности ради спасения твоей жизни. У тебя вид честного человека. Дай слово вернуться через месяц, если сумеешь убедить одну из дочерей последовать за тобой. Она останется здесь, а ты уедешь домой. Если не сумеешь, обещай вернуться один, навсегда простившись с детьми: тогда ты будешь принадлежать мне. И не думай, — продолжало чудовище, скрежеща зубами, — что можно согласиться на моё предложение, а потом скрыться. Предупреждаю: если ты

замыслишь это, я приду за тобой и погублю весь твой род, даже если на твою защиту встанут сто тысяч человек.

Купец был совершенно уверен, что напрасно стал бы испытывать дочернюю любовь, и всё же принял предложение чудовища. Он обещал вернуться в назначенный срок и предать себя печальной участи, так что искать его не понадобится. После этого он решил, что волен уйти и может проститься с Чудовищем, чьё присутствие лишь усиливало его горе. Полученная милость была невелика, но он боялся, что и её отнимут. Он высказал желание уехать; Чудовище ответило, что выехать он сможет лишь завтра.

— На рассвете найдёшь готового коня, — сказало оно. — Он быстро доставит тебя домой. Прощай. Ступай ужинать и жди моих приказаний.

Бедняга, скорее мёртвый, чем живой, вернулся в гостиную, где прежде так славно поел. Напротив большого камина уже стоял ужин, приглашая его к столу. Теперь ни изысканность, ни богатство блюд его не прельщали. Подавленный бедой, он вовсе не стал бы есть, если бы не опасался, что Чудовище где-нибудь прячется и наблюдает за ним и что пренебрежение угощением вновь вызовет его гнев. Чтобы не навлечь новой беды, он на время приостановил свою скорбь и, насколько позволяло сокрушённое сердце, отведал всех блюд в достаточном количестве.

В конце ужина из соседней комнаты донёсся громкий шум. Купец не сомневался, что приближается его страшный хозяин. Избежать встречи было невозможно, и он постарался справиться со страхом, который внезапный шум в нём пробудил. Тут появилось Чудовище и отрывисто спросило, хорошо ли он поужинал. Купец тихо и робко ответил, что благодаря заботам хозяина поел обильно.

— Обещай, — продолжало чудовище, — помнить данное мне слово и сдержать его, как подобает честному человеку: привести одну из дочерей.

Старику этот разговор был тягостен. Он поклялся исполнить обещание и вернуться через месяц — один или с дочерью, если найдётся такая, которая любит его настолько, чтобы поехать с ним на условиях, какие он должен будет ей объявить.

— Ещё раз предупреждаю, — сказало Чудовище, — не вздумай обмануть её насчёт жертвы, которой ты должен от неё потребовать, и опасности, какой она подвергнется. Опиши ей мою внешность как она есть. Пусть знает, на что идёт, и, главное, пусть будет тверда в своём решении. Когда ты её сюда привезёшь, размышлять будет поздно. Ей нельзя будет взять слово назад: ты всё равно погибнешь, а ей не позволено будет вернуться домой.

Купец, которого такие речи приводили в полное уныние, вновь обещал во всём исполнить то, что ему только что предписали. Довольное ответом, чудовище приказало ему лечь и не вставать, пока он не увидит солнца и не услышит золотого колокольчика.

— Перед отъездом позавтракаешь, — добавило оно, — и можешь взять розу для Красавицы. Конь, который тебя повезёт, будет ждать во дворе. Если в тебе есть хоть капля честности, через месяц я снова тебя увижу. Прощай. А если честности в тебе нет, жди меня в гости.

Боясь продлить и без того мучительный разговор, старик глубоко поклонился Чудовищу. То ещё предупредило, чтобы он не заботился об обратной дороге: в назначенный срок тот же конь, на котором он поедет завтра утром, явится к его дверям и увезёт и его, и дочь.

Как мало ни хотелось старику спать, послушаться он не посмел. Ему пришлось лечь, и поднялся он лишь тогда, когда солнце осветило комнату. Он быстро позавтракал, затем спустился в сад и сорвал розу, которую Чудовище велело взять с собой. Сколько слёз заставил его пролить этот цветок! Но, опасаясь новых несчастий, он сдержал себя и без промедления пошёл искать обещанного коня. На седле лежал тёплый и лёгкий плащ. На этом коне ему было

гораздо удобнее, чем на собственном. Едва конь почувствовал седока, как помчался с невероятной быстротой. В одно мгновение купец потерял роковой дворец из виду. Он ощутил столько же радости, сколько накануне испытал при его появлении, с тою лишь разницей, что теперь удовольствие от удаления от дворца отравлялось жестокой необходимостью в него вернуться.

— На что я согласился? — говорил он, пока конь нёс его с быстротой и лёгкостью, какие бывают лишь в стране сказок. — Не лучше ли было сразу стать жертвой чудовища, жаждущего крови моей семьи? Оно продлило мне жизнь за обещание, столь же бесчеловечное, сколь неосмотрительное. Неужели я мог подумать о том, чтобы спасти свои дни ценой жизни одной из дочерей? Хватит ли у меня жестокости отвезти её туда и, верно, собственными глазами увидеть, как её пожирают?

Но тут он сам себя прервал:

— Несчастный! Разве этого мне следует бояться больше всего? Если бы я даже сумел заглушить в сердце голос крови, разве в моей власти совершить такую низость? Дочь должна знать, какая участь её ждёт, и согласиться на неё. Не вижу никакой надежды, что она пожертвует собой ради бесчеловечного отца; да я и не должен предлагать ей подобного — это несправедливо. Но допустим, любовь ко мне побудит одну из дочерей отдать себя в жертву: разве одного вида Чудовища не хватит, чтобы разрушить её решимость? И я не имел бы права роптать! Ах, властное Чудовище, — восклицал он, — твоё условие нарочно неисполнимо: ты предлагаешь мне таким способом избежать твоего гнева и получить прощение столь ничтожной вины. Это ещё и издевательство вдобавок к мучению. Но, — продолжал купец, — довольно об этом думать. Я больше не колеблюсь: лучше прямо отдам себя твоей ярости, чем стану искать бесполезного спасения, от которого ужасается отцовское сердце. Вернёмся в гибельный дворец. Не станем столь дорого покупать остаток жизни, которая после этого могла бы быть лишь несчастной. Не дожидаясь конца отпущенного нам месяца, вернёмся и сегодня же завершим наши горестные дни.

С этими словами он попытался повернуть назад, но заставить коня переменить направление оказалось невозможно. Пришлось ехать дальше против воли. Тогда купец решил по крайней мере ничего не предлагать дочерям. Уже вдали показался его дом. Всё более укрепляясь в своём решении, он говорил:

— Я не расскажу им об опасности, которая мне угрожает. Зато смогу ещё раз их обнять. Дам последние советы; попрошу жить в согласии с братьями, а братьям велю не оставлять сестёр.

В таких раздумьях он подъехал к дому. Его собственная лошадь вернулась накануне вечером и встревожила семью. Сыновья разбрелись по лесу и повсюду его разыскивали. Дочери, с нетерпением ожидая вестей, стояли у дверей, чтобы расспросить первого встречного. Но как было узнать отца на великолепном коне, в богатом плаще? Сначала они приняли его за человека, посланного отцом, а роза, которую заметили привязанной к луке седла, окончательно их успокоила.

Когда опечаленный отец подъехал ближе, они его узнали. Всем хотелось только выразить радость по поводу его благополучного возвращения. Но печаль на лице и слёзы, которые он тщетно пытался удержать, обратили ликование в тревогу. Все стали наперебой спрашивать, что его огорчает. Он лишь подал Красавице роковую розу и сказал:

— Вот то, о чём ты просила. Дорого заплатишь за это и ты, и остальные.

— Я так и знала! — воскликнула старшая. — Я только что говорила: ей одной вы и привезёте то, чего она пожелала. Чтобы получить цветок не в его пору, пришлось потратить не меньше, чем на нас пятерых вместе. Эта роза, верно, завянет ещё до вечера. Но что за беда! Любой ценой вы хотели угодить счастливике Красавице.

— Это правда, — печально ответил отец. — Роза обошлась мне дорого, дороже всех нарядов, которых вы желали. Только расплатился я не деньгами. Дай бог, чтобы я мог купить её за всё, что у меня осталось!

Эти слова возбудили любопытство детей и разрушили его решимость скрыть своё приключение. Он рассказал о неудаче путешествия, о хлопотах в погоне за призрачным богатством и обо всём, что произошло во дворце чудовища. После такого объяснения надежда и радость сменились отчаянием.

Дочери, увидев, как внезапный удар уничтожил все их замыслы, подняли страшный крик. Более мужественные братья решительно заявили, что не позволят отцу вернуться в гибельный замок: у них хватит храбрости избавить землю от ужасного Чудовища, если оно дерзнёт прийти за ним. Купец, хотя и был тронут их горем, запретил всякое насилие. Он дал слово и скорее лишит себя жизни, чем его нарушит.

И всё-таки дети искали способ спасти отца. Молодые люди, исполненные мужества и благородства, предложили, чтобы один из них отдал себя гневу Чудовища. Но оно совершенно ясно потребовало одну из дочерей, а не сыновей. Доблестные братья, огорчённые тем, что не могут осуществить своё намерение, всеми силами старались внушить такие же чувства сёстрам. Однако зависть к Красавице была для сестёр непреодолимым препятствием к столь великодушному поступку.

— Несправедливо, — говорили они, — чтобы мы погибли страшной смертью за проступок, которого не совершали. Значит, нас хотят сделать жертвами Красавицы: ей-то нас с радостью принесут в жертву! Но долг не требует от нас подобного. Вот плоды умеренности и вечных нравоучений этой несчастной! Почему она, как и мы, не попросила платьев и драгоценностей? Пусть мы их не получили, зато наши просьбы ничего не стоили. Нам не в чем себя упрекнуть: мы не подвергали жизнь отца опасности неразумными желаниями. Если бы она не вздумала отличиться напускным бескорыстием, то, поскольку ей всегда везёт больше, чем нам, уж для неё-то наверняка нашлись бы деньги. Но нет, нужно было нелепой прихотью навлечь на всех беду! Несчастья причиняет она, а отвечать за них хотят заставить нас. Обмануть себя мы не дадим. Она всему виной — пусть сама и исправляет.

Красавица, от горя едва не лишившаяся чувств, сдержала рыдания и вздохи и сказала сёстрам:

— В этой беде виновата я; мне одной и надлежит её исправить. Признаю: было бы несправедливо, если бы вы страдали из-за моей вины. Но, увы, как невинен был мой проступок! Разве могла я предвидеть, что желание получить розу среди лета будет наказано столь страшной мукой? Сделанного уже не изменить. Виновата я или невиновна, справедливо, чтобы искупила это я. Никого другого обвинить нельзя. Я отдам себя в жертву, — продолжала она твёрдым голосом, — чтобы избавить отца от рокового обещания. Я пойду к Чудовищу. Умирая, я буду счастлива сохранить жизнь тому, кто дал её мне, и положить конец вашим жалобам. Не бойтесь: ничто не заставит меня отступить. Но прошу вас, в этот месяц подарите мне хотя бы счастье больше не слышать ваших упрёков.

Такая твёрдость в девушке её лет поразила всех. Братья, нежно любившие её, были глубоко тронуты её решением. Она всегда окружала их бесчисленными заботами, и они чувствовали, какую потерю им предстоит понести. Но речь шла о спасении отца; этот сыновний долг заставил их молчать. Убеждённые, что решение принято окончательно, они даже не пытались противиться столь великодушному замыслу. Им оставалось плакать и воздавать сестре похвалы, которых заслуживала её благородная решимость — тем более великая, что в свои шестнадцать лет она вправе была жалеть о жизни, которой так жестоко собиралась пожертвовать.

Один только отец не хотел соглашаться с решением младшей дочери. Но старшие дерзко упрекали его: он-де заботится лишь о Красавице и, несмотря на все беды, которые она навлекла, сожалеет, что за её неосторожность расплачивается не кто-нибудь из старших.

Столь несправедливые речи вынудили его прекратить возражения. К тому же Красавица только что заверила его: даже если он не примет её вместо себя, она поступит так против его воли — одна отправится к Чудовищу и погубит себя, не спасши его.

— Кто знает, — говорила она, стараясь казаться спокойнее, чем была на самом деле, — быть может, за ужасной участью, которая мне предназначена, скрывается иная, столь же счастливая, сколь эта представляется страшной.

Сёстры, слушая её, злобно усмехались этим пустым мечтам и радовались заблуждению, в котором, по их мнению, она пребывала. Но старик уступил её доводам. К тому же он вспомнил давнее предсказание, из которого узнал, что эта дочь спасёт ему жизнь и принесёт счастье всей семье. Он перестал противиться воле Красавицы. Постепенно об их отъезде заговорили почти как о чём-то обыкновенном. Тон разговорам задавала она сама. Если при родных она и делала вид, что надеется на счастливый исход, то лишь для того, чтобы утешить отца и братьев, не тревожа их ещё сильнее. Её огорчало поведение сестёр: те, казалось, с нетерпением ждали её отъезда и находили, что месяц тянется слишком медленно. И всё же она великодушно разделила между ними все принадлежавшие ей небольшие вещи и украшения.

Сёстры с радостью приняли новое доказательство её щедрости, но ненависть их не смягчилась. Безмерное ликование наполнило их сердца, когда раздалось ржание коня, присланного увезти сестру, в которой чёрная зависть не позволяла им видеть ничего милого. Лишь отец и сыновья горевали; они не могли вынести наступления роковой минуты и хотели зарезать коня. Но Красавица, сохраняя всё спокойствие, показала им, насколько нелеп этот замысел и как невозможно его исполнить. Простившись с братьями, она обняла бесчувственных сестёр. Прощание было так трогательно, что исторгло у них несколько слёз; на несколько минут им показалось, будто они горюют почти так же сильно, как братья.

Пока длилось это краткое и запоздалое сожаление, старик, подгоняемый дочерью, сел на коня. Она вскочила позади него с такой охотой, словно отправлялась в приятнейшее путешествие. Казалось, животное скорее летит, чем бежит. Невероятная быстрота ничуть её не тяготила: поступь необыкновенного коня была так мягка, что Красавица чувствовала лишь лёгкое движение воздуха.

Напрасно отец сотни раз за дорогу предлагал высадить её и отправиться к Чудовищу одному.

— Подумай, милое дитя, — говорил он, — ещё есть время. Оно страшнее, чем ты можешь вообразить. Как ни твердо твоё решение, боюсь, что при виде чудовища ты не устоишь. Тогда будет поздно: ты пропадёшь, и мы оба погибнем.

— Если бы я ехала к этому страшному Чудовищу с надеждой на счастье, — рассудительно отвечала Красавица, — при его виде надежда, возможно, меня бы покинула. Но я ожидаю скорой смерти и считаю её несомненной. Какая мне разница, приятно или отвратительно то существо, от которого я должна её принять?

За этим разговором наступила ночь, но конь и в темноте не замедлял хода. Вдруг мрак рассеялся от поразительного зрелища. Перед глазами обоих путников вспыхнули всевозможные ракеты, огненные чаши, вертушки, солнца, снопы искр — всё, что только искусство фейерверка способно придумать самого прекрасного. Этот приятный и неожиданный свет озарил весь лес и наполнил воздух мягким теплом. Оно уже становилось необходимым: в той стране ночной холод гораздо чувствительнее дневного.

При этом чудесном освещении отец с дочерью въехали в померанцевую аллею. Как только они оказались в ней, фейерверк прекратился. Его свет заменили горящие факелы в руках всех статуй. Кроме того, бесчисленные огни покрывали весь фасад дворца: расположенные симметрично, они складывались в любовные узлы и увенчанные коронами вензеля с двойными L и двойными V. При въезде во двор путешественников приветствовал артиллерийский

залп. Он слился со звуками тысячи различных инструментов — нежных и воинственных — в прекрасную гармонию.

— Должно быть, Чудовище очень проголодалось, раз так празднует прибытие своей добычи, — заметила Красавица с усмешкой.

И всё же, несмотря на волнение перед близким событием, которое, казалось, должно было стать для неё роковым, она не могла оторваться от сменяющих друг друга великолепных зрелищ. Ничего прекраснее она ещё не видела. Поэтому она не удержалась и сказала отцу, что приготовления к её смерти превосходят блеском свадебные торжества величайшего из земных королей.

Конь остановился у парадной лестницы. Красавица легко спрыгнула на землю. Отец тоже сошёл с коня и через переднюю провёл её в гостиную, где его прежде так хорошо угощали. Там пылал большой огонь, горели свечи, источавшие изысканное благоухание, и был роскошно накрыт стол.

Купец, уже знакомый с тем, как Чудовище кормит гостей, сказал дочери, что трапеза предназначена для них и следует поесть. Красавица не стала противиться: она была убеждена, что это не ускорит её смерть. Напротив, ей казалось, так она покажет чудовищу, с какой готовностью приехала к нему. Она надеялась, что её искренность смягчит хозяина и что приключение, быть может, окажется не столь печальным, как она опасалась вначале. Ужасное Чудовище, которым её пугали, не показывалось; во дворце всё дышало радостью и великолепием. Казалось, именно её приезд вызвал это веселье, и едва ли оно предвещало погребальные торжества.

Надежда продержалась недолго. Чудовище дало о себе знать. Приближение его сопровождалось страшным шумом: тяжёлой поступью огромного тела, ужасным лязгом чешуи и жутким воем. Красавицей овладел страх. Старик, обнимая дочь, пронзительно закричал. Но она мгновенно взяла себя в руки и справилась с волнением. Увидев приближавшееся Чудовище, на которое не могла смотреть без внутренней дрожи, она твёрдо шагнула ему навстречу и скромно, с глубоким почтением поклонилась. Это понравилось чудовищу. Оглядев её, оно обратилось к старику. В голосе не было гнева, но он всё равно мог устроить самого храброго:

— Добрый вечер, старик.

Затем оно повернулось к девушке и так же сказало:

— Добрый вечер, Красавица.

Старик, всё ещё боявшийся, что с дочерью случится беда, не нашёл сил ответить. Но Красавица спокойно, мягким и уверенным голосом произнесла:

— Добрый вечер, Чудовище.

— Вы пришли добровольно? — спросило оно. — И согласны отпустить отца, не последовав за ним?

Красавица ответила, что с другим намерением и не приезжала.

— А как вы думаете, что станет с вами после его отъезда?

— Что вам будет угодно, — сказала она. — Моя жизнь в вашей власти. Я беспрекословно подчиняюсь тому, как вы распорядитесь моей участью.

— Ваша покорность мне нравится, — ответило Чудовище. — Раз вас привезли без принуждения, вы останетесь со мной. А ты, старик, — обратилось оно к купцу, — уедешь завтра на рассвете. Тебя предупредит колокол. После завтрака не задерживайся: тот же конь доставит тебя домой. Но, — добавило оно, — вернувшись к семье, больше не помышляй увидеть мой дворец. Помни, что вход в него навсегда для тебя закрыт. Вы же, Красавица, — продолжало чудовище, снова обращаясь к ней, — отведите отца в соседнюю гардеробную. Выберите там всё, что, по вашему общему мнению, порадует братьев и сестёр. Там стоят два сундука; наполните их. Справедливо будет послать родным достаточно ценные подарки, чтобы они непременно вас вспоминали.

Несмотря на щедрость чудовища, близкий отъезд отца глубоко ранил Красавицу и причинял ей величайшее горе. Однако она приготовилась исполнить приказ. Чудовище покинуло их, повторив, как при входе:

— Добрый вечер, Красавица; добрый вечер, старик.

Оставшись с дочерью наедине, купец обнял её и безутешно заплакал. Мысль о том, что он оставляет её чудовищу, была для него жесточайшей мукой. Он раскаивался, что привёз её сюда. Двери были открыты; ему хотелось увезти её обратно. Но Красавица объяснила, какой опасностью грозит такой замысел и к чему он может привести.

Они вошли в указанную гардеробную и поразились сокровищам, которые там нашли. Она была наполнена столь роскошными нарядами, что и королева не могла бы пожелать ничего прекраснее и изысканнее. Ни в одной лавке не было такого разнообразия.

Красавица выбрала уборы, какие сочла подходящими, сообразуясь не с нынешним положением семьи, а с богатством и щедростью Чудовища, делавшего эти подарки. Затем она открыла шкаф, дверца которого была из горного хрусталя в золотой оправе. При таком великолепии снаружи следовало ожидать внутри редкостных драгоценностей; и всё же, увидев груды самоцветов всевозможных видов, она едва смогла вынести их сияние. Повинуясь желанию хозяина, Красавица без стеснения взяла огромное количество украшений и тщательно подобрала их к каждой из приготовленных долей.

Но, открыв последний шкафчик, полный золотых монет, она изменила намерение.

— Думаю, — сказала она отцу, — лучше было бы освободить сундуки и наполнить их деньгами. Вы дадите детям столько, сколько сами захотите. Тогда не придётся никого посвящать в вашу тайну, и богатство останется у вас в безопасности. Польза, которую вы могли бы извлечь из драгоценностей, хотя стоят они гораздо дороже, никогда не будет столь удобна. Чтобы ею воспользоваться, придётся их продавать и доверяться людям, которые станут глядеть на вас с завистью. Само ваше доверие, быть может, окажется губительным. А золотые монеты, — продолжала она, — избавят вас от всяких неприятностей и позволят покупать земли, дома, дорогую обстановку, украшения и самоцветы.

Отец одобрил её мысль. Но ему хотелось привезти дочерям уборы и наряды, поэтому, освобождая место для золота, он вынул из сундуков то, что выбрал для себя. Сколько ни укладывал он туда денег, сундуки не наполнялись: их стенки были сделаны складками и по мере надобности раздвигались. Нашлось место и вынутым украшениям; в конце концов сундуки вместили больше, чем он собирался взять.

— С таким запасом денег, — говорил он дочери, — я смогу продавать драгоценности, когда мне будет удобно. По твоему совету скрою богатство от всех, даже от собственных детей. Если они узнают, как я теперь богат, станут мучить меня просьбами оставить деревенскую жизнь. А ведь только в ней я нашёл покой и не испытал вероломства ложных друзей, которыми полон свет.

Но сундуки оказались такими тяжёлыми, что под их весом не устоял бы слон. Надежда, которой старик только что тешился, вдруг показалась ему всего лишь сном.

— Чудовище посмеялось над нами, — сказал он. — Оно сделало вид, будто дарит мне богатства, и лишило возможности их увезти.

— Не спешите судить, — ответила Красавица. — Вы не выпрашивали этих подарков ни неуместными просьбами, ни алчными и корыстными взглядами. Такая насмешка была бы нелепа. Раз чудовище само предложило дары, думаю, оно найдёт и способ дать вам ими воспользоваться. Нам остаётся лишь закрыть сундуки и оставить их здесь. Наверное, оно знает, на чём их вам отправить.

Ничего разумнее придумать было нельзя. Последовав совету, купец вернулся с дочерью в гостиную. Они уселись рядом на софе и почти тотчас увидели перед собой готовый завтрак. Отец ел с большим аппетитом, чем накануне вечером. Произошедшее умиротворило отчаяние и вернуло ему надежду. Он уехал бы без печали, если бы Чудовище не объявило так жестоко, что отныне ему нельзя и думать о возвращении во дворец и с дочерью придётся проститься навсегда. Но единственная беда, от которой вовсе нет исцеления, — смерть. Этот приговор не

сокрушил старика окончательно: он надеялся, что тот всё-таки может быть отменён. Поэтому, уезжая, купец был даже довольно доволен хозяином.

Красавица не разделяла его удовлетворения. Мало веря в уготованное ей счастливое будущее, она боялась, что богатые подарки семье — плата за её жизнь и чудовище пожрёт её, едва они останутся вдвоём. Или, по крайней мере, что ей предназначено вечное заточение с ужасным Чудовищем в качестве единственного собеседника.

Эта мысль погрузила её в глубокую задумчивость. Но второй удар колокола напомнил: пора расставаться. Они спустились во двор, где отец нашёл двух коней. Один нёс оба сундука; другой предназначался ему самому. На втором лежал хороший плащ, а по сторонам седла висели две сумки с провизией. Это был тот же конь, на котором купец уже ездил. Столь заботливые приготовления Чудовища могли бы дать пищу новому разговору, но кони заржали и забили копытами, показывая, что медлить нельзя.

Боясь промедлением рассердить Чудовище, купец простился с дочерью навеки. Оба коня умчались быстрее ветра, и в одно мгновение Красавица потеряла их из виду. Вся в слезах, она поднялась в отведённую ей комнату и некоторое время предавалась самым печальным размышлениям.

Однако сон одолевал её. Ей захотелось покоя, которого она была лишена уже больше месяца. За неимением лучшего занятия она собиралась лечь, когда заметила на прикроватном столике приготовленную чашку шоколада. Почти засыпая, она выпила её. Глаза тотчас сомкнулись, и она погрузилась в спокойный сон — такой, какого совсем не знала с той минуты, как получила роковую розу.

Во сне ей привиделось, будто она стоит у бесконечно длинного канала. По обоим его берегам в два ряда растут необычайно высокие померанцевые деревья и цветущие мирты. Поглощённая своим печальным положением, она оплакивала судьбу, обрёкшую её провести здесь всю жизнь без надежды когда-либо уйти.

Юноша, прекрасный, как изображают самого бога любви, сказал голосом, проникшим ей прямо в сердце:

— Не думай, Красавица, что ты настолько несчастна, как тебе кажется. Здесь ты получишь награду, в которой тебе несправедливо отказывали повсюду. Призови на помощь свою проницательность и разгляди меня под скрывающим меня обличем. Посмотри на меня и рассуди, так ли уж дурно моё общество и не лучше ли оно общества семьи, недостойной тебя. Пожелай — и все твои желания исполнятся. Я нежно тебя люблю. Ты одна можешь сделать меня счастливым, обретя собственное счастье. Только оставайся верна себе. Если ты будешь превосходить других женщин достоинствами души так же, как превосходишь их красотой, мы станем совершенно счастливы.

Затем ей привиделось, будто этот очаровательный призрак стоит перед нею на коленях и к самым лестным обещаниям прибавляет самые нежные речи. В пылких словах он умолял её согласиться сделать его счастливым, уверяя, что его счастье целиком в её руках.

— Что же я могу сделать? — нетерпеливо спросила она.

— Следуй лишь голосу благодарности, — ответил он. — Не доверяй глазам и, главное, не покидай меня. Избавь меня от страшных страданий, которые я терплю.

После этого первого сна ей показалось, будто она находится в великолепном кабинете рядом с дамой, чей величественный облик и удивительная красота внушали глубокое почтение. Дама ласково сказала:

— Прелестная Красавица, не жалею о том, что оставила. Тебя ждёт более блистательная участь. Но если хочешь её заслужить, остерегайся обманчивой внешности.

Сон длился более пяти часов. За это время юноша являлся ей в сотне разных мест и в сотне разных обликах. То он устраивал для неё изысканный праздник, то произносил нежнейшие признания. Как сладок был её сон!

Ей хотелось его продлить, но глаза, уже открывшиеся навстречу свету, не смыкались. Красавица решила, что испытала лишь недолгую радость сновидения.

Часы пробили полдень, двенадцать раз пропев её имя, и заставили подняться. Перед нею стоял туалетный столик со всем, что только может понадобиться даме. Нарядившись с каким-то особенным удовольствием, причины которого она не понимала, Красавица прошла в гостиную, где только что подали обед.

Когда ешь один, трапеза кончается быстро. Вернувшись в комнату, она опустилась на софу; мысли снова обратились к юноше из сна.

«Он сказал, что я могу сделать его счастливым. Наверное, ужасное Чудовище, которое, по-видимому, здесь всем повелевает, держит его в заточении. Как его освободить? Мне всё повторяли, чтобы я не судила по внешности. Ничего не понимаю... Но какая же я глупая! Пытаюсь найти объяснение видению, которое сон создал, а пробуждение уничтожило. Не следует обращать на него внимания. Надо думать о нынешнем своём положении и искать развлечений, которые не дадут мне погибнуть от скуки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.